

Образчик разговора, 1945. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Образчик разговора, 1945. Владимир Владимирович Набоков

Мне довелось обзавестись компрометирующим тезкой, абсолютным, от имени до фамилии, так ни разу и не увиденным мной во плоти, но чью вульгарную личность я сумел обнаружить по случайным вторжениям на территорию моей жизни. Путаница началась в Праге, где я жил в середине двадцатых. Там меня настигло письмо из маленькой библиотеки, очевидно, состоявшей при какой-то белогвардейской организации, которая, подобно мне, перебралась из России. В раздраженных тонах от меня требовали безотлагательно вернуть экземпляр «Протоколов сионских мудрецов». Эта книга, некогда задумчиво одобренная царем, была фальшивкой, состряпанной по поручению тайной полиции полуграмотным мошенником, – в целях дальнейшего распространения погромов. Библиотекарь, подписавшийся «Синепузов» (фамилия, действующая на русское воображение так же, как Winterbottoms – «Зимнезадов» – на английское), утверждал, что я задерживаю этот, как он выразился, «популярный и ценный труд» больше года. Он ссылался на предыдущие требования, посланные мне в Белград, Берлин и Брюссель, столицы, через которые, судя по всему, пролегал маршрут моего двойника.

Я представил себе эдакого молодца белоэмигранта, изначально реакционного типа, чье образование было прервано революцией, успешно восполнявшего потери на традиционных путях. Очевидно, он был большим скитальцем, так же как и я, и это единственное, что нас роднило. Русская дама в Страсбурге интересовалась, не был ли моим братом человек, женившийся на ее племяннице в Льеже. Как-то весенним днем в Ницце девушка с непроницаемым лицом и длинными серьгами в ушах зашла в гостиницу, навела обо мне справку, взглянула на меня, извинилась и вышла. В Париже я получил телеграмму, толчками заклинавшую: «NE VIENS PAS ALPHONSE DE RETOUR SOURÇONNE SOIS PRUDENT JE T'ADORE ANGOISSÉE», [1] и, признаюсь, испытал некоторое мрачное удовлетворение, представив себе моего легкомысленного двойника, врывающегося с букетом в руках к Альфонсу с его женой. Два года спустя, когда я читал лекции в Цюрихе, меня вдруг арестовали по обвинению в битье трех зеркал в ресторане – род триптиха, рисующего моего тезку пьяным (первое зеркало), очень пьяным (второе) и пьяным в стельку (третье). Наконец, в 1938 году французский консул грубо отказал проштамповать мой пожухший, цвета морской зелени, нансеновский паспорт по той будто бы причине, что я однажды уже въезжал в страну без визы. В толстом досье, которое пришлось все-таки извлечь, я подсмотрел краешек физиономии моего тезки. Он носил холеные усики и бобрин на голове, ублюдок.

Когда вскоре после этого я переехал в Соединенные Штаты и обосновался в Бостоне, мне казалось, что я стряхнул с себя мою нелепую тень. Но совсем недавно, в прошлом месяце, если быть точным, последовал телефонный звонок.

Сверкающим, как валторна, голосом дама представилась миссис Сибиллой Холл, близкой подругой миссис Шарп, посоветовавшей ей в письме связаться со мной. Я знал некую миссис Шарп и ни на минуту не усомнился, что как миссис Шарп, так и я можем оказаться не теми. Медноголосая миссис Холл сказала, что в пятницу вечером у нее на квартире состоится небольшой диспут: не приду ли я, поскольку из того, что ей обо мне известно, несомненно следует, что меня очень, очень интересует дискуссия. И хотя меня тошнит от диспутов любого рода, принять приглашение мне подсказала мысль, что, отказавшись от него, я разочарую миссис Шарп, симпатичную старушку с короткой стрижкой, в темно-бордовых брюках, которую я знал на Кейп-Коде, где она делила коттедж с более молодой особой; обе дамы, посредственные левые художницы, имели независимый доход и излучали искреннее дружелюбие.

По досадной случайности, не имеющей ничего общего с предметом настоящего рассказа, я оказался намного позже, чем предполагал, перед многоквартирным домом миссис Холл. Обветшалый лифтер, странно похожий на Рихарда Вагнера, мрачно вознес меня на нужный этаж, и хмурая горничная миссис Холл, с длинными руками, висящими вдоль тела, подождала, пока я сниму пальто и галоши в прихожей. Главным декоративным персонажем была здесь определенного типа ваза с орнаментальным узором, какие изготавливались в Китае, и, возможно, в незапамятные времена, – в данном случае высоченная штукovina нездоровой раскраски – из тех, что неизменно делают меня жутко несчастным.

Образчик разговора, 1945. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru Миновал кокетливую маленькую комнату, переполненную символами того, что авторы рекламы называют изящной жизнью, я был приглашен – теоретически, поскольку горничная отпала, – в большую, самодовольную буржуазную гостиную, и тут мне пришло в голову, что это место такого сорта, где того и гляди тебя представят какому-нибудь старому дураку, отведавшему кремлевской икры, или стоеросовому советскому гражданину, и что милейшая миссис Шарп, по непонятной причине осуждавшая мое презрение к партийным делам, густопсовым большевикам и голосу их хозяина, решила, бедняжка, что такой эксперимент может благотворно повлиять на мой кощунственный ум.

От группы в десять-двенадцать человек отделилась хозяйка – долговязая, плоскогрудая женщина с губной помадой на выпирающих передних зубах. Она быстренько представила меня почетному гостю и всем присутствующим, и дискуссия, прерванная моим появлением, тут же возобновилась. Почетный гость отвечал на вопросы. То был хрупкого вида человек с лоснящимися темными волосами и сверкающим лбом, так ярко освещенный длинным стеблевидным торшером на уровне плеча, что можно было различить блески перхоти на воротнике его смокинга и восхититься белизной сложенных замком рук, одну из которых я нашел невероятно безвольной и влажной. Он был из тех мужчин, чей бесхарактерный подбородок, впалые щеки и несчастный кадык обнаруживают в считанные часы после бритья, как только прохудится робкий тальк, сложную систему кровоподтеков под рябью мышинной синевы. На пальце у него был перстень, и в какой-то странной связи я вспомнил смуглую русскую девушку в Нью-Йорке, настолько обеспокоенную возможностью, существовавшей только в ее воображении, быть принятой за «евреечку», что она имела обыкновение носить крестик на горле, хотя религиозности в ней было не больше, чем мозгов. Его английский был восхитительно гладким, но твердое *djaïr* в слове *Germany*[2] и упрямо повторяющийся эпитет *wonderful*, [3] первый слог которого звучал как *wan*, выдавал его тевтонское происхождение. Он был, или некогда являлся, или собирался стать профессором немецкого, или музыки, или того и другого где-то на Среднем Западе, но я не расслышал его имени, буду называть его доктор Шуб.

– Разумеется, он сумасшедший! – воскликнул доктор Шуб, отвечая одной из дам. – Согласитесь, только сумасшедший мог проиграть войну, как он. И конечно, я надеюсь, как и вы, что довольно скоро, если только окажется, что он жив, его поместят в безопасный санаторий где-нибудь в нейтральной стране, он заслужил это. Было безумием нападать на Россию вместо того, чтобы завоевать Англию. Было безумием надеяться, что война с Японией помешает Рузвельту энергично участвовать в европейских делах. Худший безумец тот, кто не учитывает возможности чужого безумия.

– Нельзя не думать, – сказала толстушка по имени, кажется, миссис Малбери, – что тысячи наших парней, убитых на Тихом океане, были бы живы, если бы самолеты и танки, отправленные нами в Англию и Россию, использовались, чтобы разгромить Японию.

– Вот именно, – сказал доктор Шуб. – И это тоже ошибки Адольфа Гитлера. Будучи сумасшедшим, он не смог принять в расчет интриги безответственных политиков. Будучи безумцем, он полагал, что другие правительства будут действовать согласно принципам гуманизма и здравомыслия.

– Я всегда думаю о Прометее, – сказала миссис Холл, – похитившем огонь и ослепленном разгневанными богами.

Старая дама в ярко-синем платье, сидевшая с вязаньем в углу, спросила доктора Шуба, почему немцы не восстали против Гитлера.

Доктор Шуб на мгновение опустил веки.

– Ответ ужасен, – сказал он с усилием. – Как вы знаете, я немец, чистых баварских кровей, хотя и лояльный гражданин данной страны. И тем не менее собираюсь сказать нечто ужасное о бывших своих соотечественниках. Немцы, – глаза, прикрытые мягкими ресницами, потупились снова, – немцы – мечтатели.

К этому времени до меня уже дошло, что сосватавшая меня миссис Шарп так же похожа на мою миссис Шарп, как я на своего тезку. Кошмар, в который меня затащили, возможно, умилил бы его, как удавшийся вечер с родственными душами, и доктор Шуб, вероятно, показался бы ему умницей и блестящим говоруном. Робость, а

Образчик разговора, 1945. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru может быть, нездоровое любопытство помешало мне покинуть комнату. Более того, будучи возбужден, я заикаюсь так сильно, что любая попытка с моей стороны сказать доктору Шубу, что я думаю о нем, прозвучала бы как раскаты мотоцикла, отказывающегося завестись промозглой ночью в разбуженном им переулке. Я огляделся, пытаюсь убедить себя, что это настоящие люди, а не кукольное представление.

Среди женщин не было ни одной миловидной; все приближались или перевалили за сорок пять. Все, несомненно, принадлежали к книжным клубам, бридж-клубам, клубам болтовни – к несметному и холодному братству неминуемой смерти. Все выглядели жизнерадостно-бесплодными. Возможно, у некоторых были дети, но как они произвели их на свет, теперь представлялось забытой тайной; многие нашли замену животворящей энергии в различных эстетических увлечениях, таких, как украшение комитетских помещений. Глядя на одну из них, рядом сидевшую, рельефно выделявшуюся даму с веснушчатой шеей, я знал, что, урывками слушая доктора Шуба, она, по всей вероятности, размышляла о каком-то декоративном фрагменте, имеющем отношение к некоему общественному мероприятию или церемонии военного времени, точную природу которых я не мог определить. Но понимал, как важен для нее этот заключительный штрих. «Что-нибудь посередине стола, – думала она. – Что-нибудь, чтобы люди ахнули, может быть, большую, громадную, колоссальную вазу с искусственными фруктами. Не из воска, разумеется. Что-нибудь грациозное, под мрамор».

Досадно, что я не запомнил имен этих дам, когда меня им представляли. Две по-девически стройные, взаимозаменяемые дамы на твердых стульях носили имена на W, одну из прочих, безусловно, звали мисс Биссинг. Это я слышал отчетливо, но не мог позднее связать с каким-либо лицом или человекоподобным предметом. Кроме меня и доктора Шуба там был только один мужчина. Он оказался моим соотечественником: полковник не то Маликов, не то Мельников; в передаче миссис Холл это прозвучало скорее как Милуоки. Пока предлагали какие-то бледные безалкогольные напитки, он наклонился ко мне с кожаным скрипом, как будто носил сбрую под потрепанным синим костюмом, и поведал мне хриплым русским шепотком, что имел честь знать моего почтенного дядюшку, которого я тут же вообразил как краснощекое, но горькое яблоко на генеалогическом древе моего тезки. Доктор Шуб тем временем вновь обратился к своему красноречию, и полковник выпрямился, обнажив сломанный желтый клык в своей отступающей улыбке, посредством тактичных жестов обещая мне, что мы славно потолкуем чуть позднее.

– Трагедия Германии, – говорил доктор Шуб, тщательно складывая бумажную салфетку, которой он вытер тонкие губы, – также и трагедия интеллектуальной Америки. Я выступал в многочисленных женских клубах и других гуманитарных центрах и заметил, как глубоко эта европейская война, теперь благополучно закончившаяся, отвратительна утонченным и чувствительным душам. Я также заметил, как охотно культурные американцы возвращаются к воспоминаниям о счастливых днях путешествий за границей, к какому-нибудь незабываемому месяцу или еще более незабываемому году, проведенному некогда в стране искусства, музыки, философии и здорового юмора. Они вспоминают дорогих друзей, обретенных там, сезон обучения и благоденствия в лоне семьи немецкого аристократа, безукоризненную чистоту во всем, песни на закате великолепного дня, прелестные маленькие города, всю ту ауру благожелательной романтики, найденную ими в Мюнхене или Дрездене.

– Моего Дрездена больше нет, – сказала миссис Малбери, – наши бомбы уничтожили его и все, что с ним связано.

– Британские, в данном конкретном случае, – сказал мягко доктор Шуб. – Конечно, война есть война, хотя, признаюсь, трудноато представить немецкие бомбардировщики, преднамеренно выбирающие какую-либо мемориальную историческую достопримечательность в Пенсильвании или Вирджинии в качестве мишени. Да, война ужасна. Точнее, становится нестерпимо страшной, когда навязана двум нациям, имеющим так много общего. Вам покажется парадоксальным, но, в самом деле, согласитесь, когда думаешь о солдатах, убитых в Европе, говоришь себе, что, по крайней мере, они избавлены от разъедающих сомнений, которые мы, гражданские лица, не смеем высказать вслух.

– Я думаю, это очень верно, – подтвердила миссис Холл, медленно кивая головой.

– А как насчет тех публикаций? – спросила старая дама с вязаньем в руках. – Публикаций о немецких зверствах в наших газетах? Полагаю, все это по большей

Образчик разговора, 1945. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
части пропаганда.

Доктор Шуб ответил усталой улыбкой.

– Я ждал этого вопроса, – сказал он с ноткой печали в голосе. – К сожалению, пропаганда, преувеличения, фальшивые фотоснимки и тому подобное являются инструментом современной войны. Я не очень бы удивился, если бы узнал, что немцы, например, распространяют слухи о жестокости американских войск по отношению к невинным гражданским лицам. Вспомните все небылицы о так называемых немецких зверствах во время Первой мировой войны, эти дикие легенды о соблазнении бельгийских женщин и так далее. Так вот, сразу же после войны, летом, если не ошибаюсь, тысяча девятьсот двадцатого, специальная комиссия немецких демократов тщательно расследовала это дело, а мы знаем, как педантичны и дотошны могут быть немецкие эксперты. Так вот, они не нашли и малой толики доказательств того, что немцы не вели себя как настоящие солдаты и джентльмены.

Одна из двух мисс Дабл'ю кротко заметила, что иностранные корреспонденты должны зарабатывать на жизнь. Замечание показалось остроумным. Все оценили его ироническую подоплеку.

– С другой стороны, – продолжил доктор Шуб, когда рябь улеглась, – давайте на минуту забудем пропаганду и вернемся к скучным фактам. Позвольте нарисовать маленькую картину из недавнего прошлого, довольно грустную маленькую картину, но, возможно, необходимую. Представьте немецких парней, гордо входящих в какой-нибудь польский или русский город, завоеванный ими. Маршируя, они пели. Они не знали, что их фюрер сумасшедший, они невинно верили, что приносят надежду, счастье и великолепный порядок сдавшемуся городу. Откуда им было знать, что последующие ошибки и фантазии Адольфа Гитлера сведут на нет их завоевания, а противник устроит адское поле битвы из тех самых городов, которым, как думали эти немецкие парни, они подарили вечный мир. Браво маршируя по улицам во всем своем блеске, с великолепной военной техникой, под знаменами, они улыбались всем и вся, по-детски благодушны и благожелательны. Затем постепенно они осознали, что улицы, по которым они так задорно, так уверенно маршировали, окаймлены безмолвной и неподвижной толпой евреев, взиравших на них с ненавистью и оскорблявших каждого проходящего солдата, не словами, они были слишком умны для этого, но взглядами исподлобья и плохо скрытой насмешкой.

– Знаю я эти взгляды, – сказала миссис Холл мрачно.

– Но они не знали, – печально сказал доктор Шуб. – Вот в чем дело. Они были озадачены. Не понимали и были уязвлены. Какова же была их реакция? Сначала пытались побороть эту ненависть терпеливыми разъяснениями и маленькими знаками доброты. Но стена ненависти, обступившая их, становилась только толще. В конце концов пришлось изолировать главарей злобной и дерзкой коалиции. Что еще им оставалось делать?

– Я случайно знаю старого русского еврея, – сказала миссис Малбери. – Ну, просто деловой знакомый мистера Малбери. Он признался мне однажды, что с радостью задушил бы своими руками первого встречного немецкого солдата. Я была так поражена, что растерялась и не знала, что ответить.

– Я бы знала, – сказала коренастая дама, сидевшая широко расставив колени. – И вообще, слишком много разговоров о том, чтобы проучить немцев. Они тоже люди. Любой разумный человек согласится с вами, что они неповинны в так называемых зверствах, большая часть которых была, возможно, выдумана евреями. Меня выводит из себя, когда я слышу, что люди все еще толкуют о газовых и пыточных камерах, которые если и существовали, то обслуживались горсткой людей, таких же невменяемых, как Гитлер.

– Так вот, следует учесть, – сказал доктор Шуб со своей кошмарной улыбкой, – и принять во внимание работу живого семитского воображения, которое воздействует на американскую прессу. Нельзя также забывать, что существовало множество чисто санитарных мероприятий, к которым вынуждена была прибегнуть дисциплинированная немецкая армия, имея дело с трупами стариков, скончавшихся в полевых лагерях, и жертвами тифозных эпидемий. Я настолько свободен от каких-либо расовых предрассудков, что не понимаю, каким образом эта допотопная расовая проблематика определяет отношение, усвоенное к Германии сейчас, когда она капитулировала. И в особенности – вспоминая, как англичане обращаются с туземным населением в своих

Образчик разговора, 1945. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru колониях.

– Или как евреи-большевики поступили с русским народом ай-я-яй, – вставил полковник Мельников.

– Неужели это актуально еще и сегодня? – спросила миссис Холл.

– Нет-нет, – испугался полковник, – великий русский народ проснулся, и моя страна – опять великая держава. У нас было три великих самодержца. У нас был Иван, которого враги прозвали Грозным, у нас был Петр Великий, и теперь у нас Иосиф Сталин. Я белый офицер и служил в царской гвардии, но я также русский патриот и православный христианин. Сегодня в каждом слове, долетающем из отечества, я чувствую мощь, чувствую величие нашей матушки России. Она опять страна солдат, оплот религии и настоящих славян. Мне доподлинно известно, что, когда Красная армия входила в немецкие города, ни один волос не упал с немецких плеч.

– Головы, – сказала миссис Холл.

– Да, – исправился полковник. – Ни одной головы с их плеч.

– Мы все восхищаемся вашими соотечественниками, – сказала миссис Малбери. – Но как быть с коммунистической угрозой для Германии?

– Позволю себе заметить, – сказал доктор Шуб, – что, если мы не проявим осторожности, не будет и Германии. Главная задача, стоящая перед Соединенными Штатами, – не дать победителям поработить немецкую нацию и отправить молодых и здоровых, а также хромых и старых – интеллектуалов и обывателей – работать, как преступников, на бескрайних восточных территориях. Все это – в нарушение принципов демократии и войны. И если вы мне скажете, что немцы делали то же самое с побежденными народами, я вам напомним о трех обстоятельствах: первое – это то, что немецкое государство не было демократическим и от него не следовало ждать соответствующей практики, во-вторых, большая часть, если не все так называемые «рабы» принимали рабство по доброй воле и, в-третьих, и это самое важное, – их хорошо кормили, одевали и помещали в цивилизованное окружение, которое, несмотря на все наше естественное преклонение перед колоссальными размерами и населением России, немцы вряд ли найдут в Стране Советов.

– Точно так же не стоит забывать, – продолжал доктор Шуб с драматическим подъемом, – что нацизм был не германской, а инородной организацией, притесняющей немецкий народ. Адольф Гитлер был австрийцем, Лей – евреем, Розенберг – полуфранцуз-полутатарин. Немецкая нация пострадала под этим негерманским игом не меньше, чем другие европейские народы – от последствий войны, развязанной на их земле. Мирным гражданам, которые бывали не только изувечены и убиты, но и чье дорогостоящее имущество и великолепные дома истреблялись бомбами, едва ли важно, кем сброшены эти бомбы – немецким или союзническим самолетом. Немцы, австрийцы, итальянцы, румыны, греки и все остальные народы Европы теперь члены одного трагического братства, все равны в нищете и надежде, все заслужили одинаковое обращение, и давайте предоставим право найти и осудить виноватых будущим историкам, непредвзятым старым ученым из безмятежных университетов Гейдельберга, Бонна, Йены, Лейпцига, Мюнхена – бессмертных центров европейской культуры. Дайте фениксу Европы расправить свои орлиные крылья, и да благословит Господь Америку.

Воцарилась почтительная пауза, и, пока доктор Шуб дрожащими пальцами зажигал сигарету, миссис Холл, молитвенно сложив ладони, кокетливым девичьим жестом попросила его увенчать вечер какой-нибудь подходящей к случаю музыкой. Он вздохнул, поднялся, проходя, наступил мне на ногу, в знак извинения коснулся моего колена кончиками пальцев, сел за рояль, наклонил голову и оставался неподвижным в течение нескольких осязаемо-тихих секунд. Затем медленно и очень осторожно он положил сигарету в пепельницу, перенес пепельницу с рояля в услужливые руки миссис Холл и снова склонил голову. Наконец сказал с прочувствованной заминкой:

– Прежде всего я сыграю «Усыпанный звездами флаг» [4].

Чувствуя, что этого мне не вынести – ощутив физическую дурноту, я поднялся и поспешно покинул комнату. Пока я приближался к стенному шкафу, куда, как я видел, горничная поместила мою верхнюю одежду, миссис Холл настигла меня вместе

Образчик разговора, 1945. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru с порывом отдаленной музыки.

– Вам надо уходить? – говорила она. – Вы действительно так торопитесь?

Я нашел пальто, уронил деревянные плечики и влез в свои галоши.

– Вы либо убийцы, либо идиоты, – сказал я, – или и то, и другое, а этот тип – грязный немецкий агент.

Как уже было сказано, в критические моменты я подвержен сильному заиканию, и поэтому фраза не получилась такой гладкой, как на бумаге. Но она сработала. Прежде чем миссис Холл собралась с мыслями, я хлопнул дверью и понес свое пальто вниз по лестнице, как выносят ребенка из горящего дома. Я был уже на улице, когда заметил, что шляпа, которую я собирался надеть, мне не принадлежала.

То была изрядно поношенная серая шляпа, темнее моей и с более узкими полями. Она предназначалась для другой головы, меньшего размера. Внутри ее была этикетка *Wegner Bros. Chicago*, подкладка пахла чужим лосьоном и щеткой для волос. Шляпа не могла принадлежать полковнику, который был лыс, как бильярдный шар, и я догадывался, что муж миссис Холл либо умер, либо держал свои шляпы в другом месте. Нести в руке этот предмет было отвратительно, но ночь выдалась дождливой и холодной, и я использовал его в качестве рудиментарного зонта. Придя домой, я сел за письмо в ФБР, но слишком далеко не продвинулся. Моя неспособность расслышать и запомнить фамилии обесценивала информацию, которую я пытался сообщить, и поскольку полагалось объяснить мое присутствие на диспуте, пришлось бы упомянуть множество туманных и подозрительных подробностей, связанных с моим тезкой, и хуже всего то, что дело принимало гротескный вид, похожий на сон, когда зарывалось в детали, в то время как все, что мне было известно, сводилось к некоему господину с неизвестным адресом на Среднем Западе, без имени, говорившему с симпатией о немцах в компании безмозглых старух в частном доме. Действительно, судя по той же симпатии, непрерывно прорывающейся в статьях некоторых популярных публицистов, все дело, как я понимаю, могло оказаться совершенно законным.

Утром следующего дня я открыл дверь на звонок – там стоял доктор Шуб, в плаще, с непокрытой головой, с осторожной полуулыбкой на сизо-румяном лице, молчаливо предлагая мне шляпу. Я взял ее, бормоча слова благодарности. Он принял их за приглашение войти. Я не мог вспомнить, куда засунул его шляпу, и лихорадочные поиски, предпринятые мной более или менее в его присутствии, вскоре стали смехотворными.

– Послушайте, я вышлю.. я пошлю.. я перешлю вам шляпу, когда найду ее.. или чек.

– Но я уезжаю в полдень, – сказал он мягко, – и кроме того, мне бы хотелось услышать от вас объяснение странной реплики, адресованной вами моему дорогому другу миссис Холл.

Он терпеливо слушал, пока я старался сказать ему так гладко, как только могу, что полиция.. что власти.. ей это растолкуют.

– Вы ошибаетесь, – сказал он наконец. – Миссис Холл – известная светская дама, у нее обширные связи в официальных кругах. Слава богу, мы живем в великой стране, где каждый может высказать свои мысли, не опасаясь быть оскорбленным за выражение частного мнения.

Я попросил его убираться.

Когда моя скороговорка иссякла, он сказал:

– Я ухожу, но имейте в виду, что в этой стране.. – и он покачал передо мной указательным пальцем из стороны в сторону, на немецкий манер, с насмешливой укоризной.

Пока я соображал, куда его ударить, он выскользнул наружу. Меня колотила дрожь. Моя нерасторопность, которая временами развлекала меня и даже нравилась своей утонченностью, теперь казалась мне чудовищной и низкой.

И тут мой взгляд уперся в шляпу доктора Шуба на куче старых журналов под

Образчик разговора, 1945. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru телефонным столиком в прихожей. Я бросился к окну, распахнул его и, как только доктор Шуб вышел из парадной на улицу, метнул шляпу в его направлении с четвертого этажа. Она описала параболу и блином приземлилась посередине мостовой. Но тут же сделала сальто, пролетела над лужей в нескольких дюймах от нее и улеглась, зияя, изнанкой кверху. Доктор Шуб, не поднимая головы, помахал рукой, словно в знак признательности, подхватил свою шляпу, убедился, что она не слишком пострадала, надел ее и зашагал прочь, бодро виляя бедрами. Меня всегда занимало, каким образом худой немец ухитряется выглядеть таким упитанным сзади, будучи в плаще.

Остается сказать, что неделю спустя я получил письмо, своеобразный русский язык которого едва ли может быть оценен в переводе.

«Милостивый государь, Вы преследовали меня всю жизнь. Добрые мои друзья после прочтения Ваших книг отвернулись от меня, думая, что я автор этих развратных, декадентских писаний. В 1941-м и опять в 1943-м я был арестован во Франции немцами за то, чего никогда говорить не говорил и думать не думал. А тут, в Америке, мало Вам разного рода неприятностей, причиненных мне в других странах, Вы совсем обнаглели и, притворившись мной, появляетесь, нализавшись, в доме столь уважаемого человека. Этого я не потерплю. Я мог бы Вас засадить куда следует и заклеить как самозванца, но думаю, Вам это не придется по вкусу, поэтому предлагаю в порядке возмещения убытков...»

Сумма, которую он запрашивал, ей-богу, была самой скромной.

1945

Примечания

1 Не приезжай Альфонс возвращается подозревает будь благоразумен обожаю тревожусь (фр.).

2 Германия (англ.).

3 Здесь: великолепный (англ.).

4 Государственный гимн США.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!